

«Национализация элит»

И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ РОССИЙСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

ПОНАРС Евразия

Аналитическая записка № 251

Июнь 2013

Вячеслав Морозов

Тартуский университет

Одним из последствий недавнего обострения политической ситуации в России стал поворот в политике Кремля, который эксперты окрестили «национализацией элит». Цель этой политики, которую Владимир Путин начал проводить вскоре после возвращения на пост президента, состоит в том, чтобы обеспечить полную лояльность государственных служащих и политиков высшему руководству. Наиболее заметным элементом этой политики стал недавний закон, запрещающий правительственным чиновникам иметь в собственности финансовые активы за рубежом и предписывающий обязательное декларирование всей недвижимости за пределами России. За этим последовала агрессивная кампания против либеральной части гражданского общества, в которой многие кремлевские чиновники видят пятую колонну, действующую в интересах Запада.

Хотя «национализация элит» влияет прежде всего на соотношение сил внутри российского правящего класса, в данной аналитической записке рассматриваются потенциальные последствия «национализации» для внешней политики. Эта политика опирается на растущую враждебность по отношению к Западу как внешнему «Другому», играющему ключевую роль в российской политике идентичности. Однако уже сама интенсивность этого антагонизма показывает, что Россия зависит от Запада и неспособна достичь полной изоляции от внешнего мира. Агрессивная риторика властей представляет собой в первую очередь инструмент достижения внутривнутриполитических целей; она не свидетельствует о наличии агрессивных намерений на международной арене. Вместе с тем нельзя полностью исключить возможности спонтанной агрессии, особенно в случае нового кризиса в экономике и внутренней политике.

Запад как угроза

На протяжении двадцати с лишним лет существования постсоветской России ее элиты не раз заявляли, что действия западных стран угрожают национальной безопасности. Эта озабоченность далеко не всегда была искренней и во многих случаях, вероятно, служила средством достижения других целей. Очевидно, однако, что после массовых протестов 2011–12 годов российские власти стали относиться к западной угрозе гораздо серьезнее. Все аспекты отношений с Западом теперь оцениваются с точки зрения одной наиважнейшей задачи: обеспечить выживание режима, которому, по мнению Кремля, угрожает вмешательство извне.

Внимательный анализ российского дискурса показывает качественный сдвиг, произошедший в восприятии угроз российскими элитами. Прежде всего, ни ранее, ни теперь военная безопасность не является главным приоритетом. В определенные моменты – например, после начала военной кампании против Югославии в 1999 году – российское руководство, возможно, действительно считало военную угрозу со стороны НАТО реальной. Теперь эти страхи почти рассеялись: хотя западному направлению отводится непропорционально значимая роль в военном планировании, политическое руководство не считает Запад существенной угрозой в военном отношении.

Другие аспекты политики безопасности занимают гораздо более видное место в мировоззрении российских элит. Например, они очень серьезно относятся к тому, что Запад, по их мнению, подрывает статус России в международных делах. Именно через призму статусных угроз воспринимаются такие действия Запада, как продвижение демократии и гуманитарные интервенции: согласно преобладающей в Москве точке зрения, подобного рода акции идут вразрез с базовыми принципами современного международно-правового устройства.

После украинской «оранжевой революции» 2004 года «вмешательство во внутренние дела» вошло в число главных потенциальных угроз национальной безопасности. После этих событий «стабильность» стала означать выживание и самовоспроизводство режима. С этого момента российское руководство начинает воспринимать западное вмешательство во внутренние дела любого из государств мира уже не столько как подрыв принципов международного права и угрозу статусу России, сколько как шаг на пути к смене режима в России и, следовательно, как прямую угрозу.

После начала «арабской весны» и, в особенности, после массовых протестов в России, Москва заняла еще более жесткую позицию по отношению к политике вмешательства. Предотвращение внутривнутриполитических перемен стало абсолютным приоритетом. Если «цветные революции», по мнению Кремля, указывали на потенциальные риски для внутренней стабильности, городские протесты стали симптомом непосредственной угрозы режиму.

Все прочие направления внутренней и внешней политики были теперь подчинены задаче борьбы с внешним вмешательством. Так, например, правящий класс сегодня понимает обеспечение информационной безопасности почти исключительно как внутривнутриполитическую задачу: вместо защиты критической

инфраструктуры на первый план выходит предотвращение внешнего вмешательства во внутривнутриполитические процессы. «Национализацию элит», равно как и кампанию против независимого гражданского общества, также следует рассматривать в этом свете.

Конфликт с Западом как стратегический выбор

Мы не можем знать, насколько серьезно каждый отдельно взятый представитель российского правящего класса воспринимает образ Запада как потенциального противника. Этот вопрос, однако, не имеет никакого практического значения. Вне зависимости от того, насколько искренне Путин говорит о «структурах, управляемых и финансируемых из-за рубежа, а значит, неизбежно обслуживающих чужие интересы» как угрозе национальной безопасности, эти заявления приводят в действие мощные политические и институциональные механизмы, в дальнейшем уже не зависящие от чьих-либо субъективных намерений. Их результат – в частности, репрессивные законы против оппозиционных активистов, некоммерческих организаций и средств массовой информации. Даже если Путин вдруг решил бы остановить охоту на ведьм, не исключено, что он не смог бы этого сделать без потери лица в глазах своих наиболее верных последователей. Впрочем, пока президент явно не намерен давать отбой.

Одно из главных свидетельств этому – продолжающиеся проверки НКО, начатые Генеральной прокуратурой в конце февраля 2013 года. По заявлениям силовиков, главная цель проверок состоит в выявлении организаций, получающих зарубежное финансирование и занимающихся политической деятельностью в нарушение закона об иностранных агентах. Изначально предполагалось, что исполнение закона будет контролировать Министерство юстиции, которое отнеслось к этой миссии без энтузиазма. Министр юстиции Александр Коновалов в январе даже заявил, что закон об иностранных агентах невозможно корректно исполнить, поскольку он противоречит базовому законодательству об НКО. Ситуация резко изменилась после того, как, выступая на коллегии Федеральной службы безопасности 14 февраля, президент Путин потребовал безусловного исполнения всех норм, регулирующих деятельность НКО, в том числе относящихся к «финансированию из-за границы». Тем самым российской бюрократии было указано, что типичное для нее небрежное отношение к исполнению законодательства на этот раз никому не сойдет с рук.

Та же логика характерна и для мер по контролю за государственными служащими. Их нельзя объяснить только стремлением умерить раздражение общественности по поводу широкомасштабной коррупции в верхах. Скорее, цель в том, чтобы сделать чиновничество менее уязвимым перед лицом мер наподобие «списка Магнитского» – запрета на въезд в США и замораживания активов российских официальных лиц, причастных к нарушению прав человека. Похоже, что Кремль действительно твердо намерен обрезать все нити, с помощью которых

воображаемые западные кукловоды могли бы влиять на внутривнутриполитические процессы.

«Национализация» перед лицом западной интервенции, таким образом, это не набор изолированных политических шагов, а стратегический выбор, основанный на фундаментальных идеологических соображениях. Ее идеология кардинально отличается от идеологием «суверенной демократии» и «национализации будущего», которые в 2005–2007 годах пропагандировал тогдашний первый заместитель руководителя президентской администрации Владислав Сурков. В прошлом ссылки на суверенитет были ответом на критику со стороны Запада и позволяли России претендовать на свою собственную интерпретацию универсальных ценностей. Сегодня это совершенно конкретная политика, имеющая целью обеспечение свободы рук внутри страны.

«Национализация» как стремление к недостижимому

Хотя российское руководство во главе с Путиным, судя по всему, всерьез намерено добиваться независимости от внешних влияний, нельзя не заметить, что его политика исходит из крайне наивных представлений. Оно предпочитает не замечать того, насколько взаимозависимы государства в современном мире, и верит в идею суверенитета как полной свободы рук во внутренних делах, которая в чистом виде представляет собой вовсе не описание эмпирической реальности, а абстрактный академический концепт.

Однако самый пагубный элемент этих оторванных от реальности представлений – вера в некую содержательную «русскую идею», которую непременно нужно претворить в жизнь. В своем обращении к Федеральному Собранию в декабре 2012 года Путин произнес уже ставшую знаменитой фразу: «Сегодня российское общество испытывает явный дефицит духовных скреп... дефицит того, что всегда, во все времена исторические делало нас крепче, сильнее, чем мы всегда гордились». Духовные скрепы, по его мнению, необходимы для консолидации общества в противостоянии враждебному внешнему миру.

На деле, однако, поиски основ национального бытия оборачиваются либо репрессиями, либо посмешищем. Попытки укоренить российскую идентичность в православии сеют социальную рознь и в конечном итоге могут достичь «успеха» лишь путем подавления инакомыслия. Дело «Pussy Riot» раскололо страну глубже, чем любое событие со времени президентских выборов 1996 года. Этот раскол особенно болезнен именно потому, что он касается многих наиболее важных и интимных сторон жизни людей – не только их отношения к религии, но и их семейной жизни, сексуальности, развлечений, и потенциально всего образа жизни.

Если дело «Pussy Riot» было во многих отношениях трагедией, история «антимангнитского закона» стала фарсом. Даже изначальная идея была абсурдна: запретить усыновление сегодня и пообещать улучшение ситуации завтра, лишив нынешнее поколение сирот шансов получить необходимый уход. В первые месяцы после принятия закона борцы против иностранного усыновления

переступили все моральные границы, не останавливаясь перед ложными обвинениями в адрес американских семей в намеренном жестоком обращении с российскими детьми и даже заявляя, что сиротам было бы лучше умереть на родине.

В некотором смысле сама логика «национализации» обнаруживает собственную политическую пустоту и невозможность достижения автономии на пути противостояния Западу. Она основана на глубоко подозрительном отношении к любым формам самоорганизации: если политическая инициатива не санкционирована сверху, значит, за ней стоят внешние силы. В этой логике российский народ может существовать как политический субъект только в узких рамках президентской политики. От имени народа может действовать только президент.

Президент, в свою очередь, объявил своей главной задачей обеспечение стабильности и предотвращение любых значимых политических изменений. Действуя в парадигме технократического менеджмента, государство добивается мелких поэтапных улучшений, сознательно избегая любых крупных политических шагов. Получается, что суверенная автономия нужна России для того, чтобы уйти от политического: власти добиваются свободы рук для бездействия, суверенитет означает свободу не делать ничего. Как ни парадоксально, в этой картине мира остается только один подлинно суверенный политический субъект – это Запад, который вмешивается в российские дела, исходя из собственных интересов.

Внешиполитические последствия

На практике идеология «национализации» ведет к изоляции. Однако с учетом экономической и нормативной зависимости России от внешнего мира в сочетании с неспособностью правящего класса выработать альтернативную экономическую или политическую программу, которая не была бы карикатурой, изоляция остается недостижимой.

Запад необходим России как покупатель нефти и газа, а также как зеркало, отражающее ее иллюзорное суверенное величие. Поиск альтернатив за пределами Запада до сих пор не увенчался успехом. Объединение БРИКС достигло некоторых результатов на символическом уровне, но любое честное сравнение социально-экономических показателей стран группы оборачивается не в пользу России. Более того, Бразилии, Индии и Южной Африке не слишком близок российский антилиберализм. Запрос российского политического класса на модель постепенного управляемого роста, при котором централизованная власть контролирует любые внешние вмешательства, способен удовлетворить только Китай. Проблема, однако, в том, что Россия рискует оказаться по отношению к Китаю в таком же подчиненном и зависимом положении, какое характерно для ее отношений с Западом.

Поскольку альтернативы отсутствуют, отношения между Россией и Западом обречены на нестабильное равновесие. Очевидно, что у Кремля нет

агрессивных внешнеполитических планов. Все недавние антизападные шаги, такие как «антимагнитский закон» или прекращение сотрудничества с USAID, имели оборонительный характер и были обусловлены внутривнутриполитическими соображениями.

Эта антизападная кампания развивается по принципу цепной реакции: каждый новый этап нагнетает все больше страстей и готовит почву для следующего. Теоретически она может продолжаться до бесконечности, но на практике ее успех зависит от способности Кремля обеспечивать «стабильность» и не предпринимать резких политических шагов. Если экономическая стагнация заставит руководство сократить социальные расходы или повысить тарифы на коммунальные услуги, режим может очень быстро утратить поддержку со стороны населения.

В ситуации растущих запросов и сокращающихся возможностей правительству будет все труднее откладывать болезненные реформы на потом. Обострение экономической и политической ситуации превратило позиционную игру между правительством и оппозицией в рискованный гамбит. Приведет ли гамбит к эндшпилю и каков будет окончательный исход партии, зависит в первую очередь от внутривнутриполитических факторов и состояния российской экономики.

С внешнеполитической точки зрения плохо то, что западного «Другого» неизбежно обвинят в разжигании внутреннего кризиса, каким бы этот кризис ни оказался. Поскольку главным приоритетом правительства будет восстановление контроля над ситуацией, маловероятно, что российское руководство даже в условиях глубокого кризиса пойдет на риск открытой конфронтации с Западом. При этом, однако, возрастает вероятность агрессивных внешнеполитических авантур в тех случаях, когда такие действия не несут прямой угрозы выживанию режима. Эта вероятность сегодня, по всей видимости, выше, чем когда бы то ни было за весь период правления Владимира Путина.

Elliott School of
International Affairs

THE GEORGE WASHINGTON UNIVERSITY

PONARS ● NEW APPROACHES
E U R A S I A ● TO RESEARCH AND
● SECURITY IN EURASIA

© PONARS Eurasia 2012. Данный текст основан на аналитической записке на английском языке с тем же номером. ПОНАРС Евразия представляет собой международную сеть ученых, разрабатывающих новые подходы к изучению проблем внутренней и внешней политики, безопасности и сотрудничества в России и Евразии. ПОНАРС Евразия базируется в [Институте исследований Европы, России и Евразии \(IERES\)](#) Школы международных отношений им. Эллиотта Университета Джорджа Вашингтона. Публикация осуществлена при поддержке грантов Корпорации Карнеги в Нью-Йорке и Фонда Джона Д. и Кэтрин Макартуров. www.ponarseurasia.org